

Павлова Марина Николаевна

канд. филол. наук, доцент

БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский
институт образования» Министерства образования
и молодежной политики Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНХОАТИВНОСТИ В РУССКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: статья посвящена промежуточной фазе функционально-семантического поля фазовости – инхоативности. Значительное внимание уделяется сопоставительному анализу способов и средств выражения инхоативности в русском и чувашском языках.

Ключевые слова: инхоативность, фазовость, синтетические средства, аналитические средства, глаголы, бивербальные конструкции, превербы, русский язык, чувашский язык.

В речевой коммуникации все действия протекают во времени, которое может быть различным по определенности, охвату временных моментов, характеру точек отсчета.

Функционально-семантическое поле фазовости образует четкую структуру, в основе которой лежит противопоставление начала процесса его концу, завершенности, а также выделение промежуточных фаз, отражающих различную степень исчерпанности процесса. В данной статье рассматривается промежуточная фаза – инхоативность в русском и чувашском языках. Семантика глаголов данной фазы характеризуются прежде всего тем, что могут обозначать не только начало действия, но и фазу начала.

В русском языке основными компонентами рассматриваемого поля выступают: а) синтетические средства (глаголы с превербами); б) аналитические средства (бивербальные конструкции, сочетания с частицами).

1. Синтетическими средствами выражения инхоативности в русском языке выступают несобственно-инхоативные глаголы, которые, называя то или иное действие, несут в себе определенное сообщение о характере его протекания во времени, а с присоединением превербов глаголы начинают приобретать значение начала действия. Например: а) вербальный компонент с превербом *за-* в значении «начать делать что-либо»: Яков помолчал несколько секунд; потом вдруг пальцы его *завертели*сь с усиленной быстротой (Толстой). У меня немного *защемило* сердце, когда я увидел это движение... (Толстой); б) вербальный компонент с превербами *вз-(вс-)*, *воз-*, *раз-(рас-)* вносит дополнительный оттенок значения интенсивности, усилительности, экспрессивности, продолжительности и чрезмерности в зависимости от их лексического значения и контекста: Я *расчувствовался* и заплакал. Я близко стоял от стола и *взглянул* на надпись. Я был в сильном нетерпении: *взлез* на свою лошадку, смотрел ей между ушей и делал по двору разные эволюции (Толстой).

2. Аналитическими средствами выражения инхоативности в русском языке выступают бивербальные конструкции, состоящие из предикативного актанта, выражающего значение начала действия, и переменного предиката-компонента, передающего индивидуальное значение процессуальных лексем, например:

– в роли инхоативных компонентов чаще всего употребляются такие стилистически нейтральные вербальные компоненты: «начать», «стать»: Он, посмеиваясь, начал *щекотать* мне пятки. Я стал *смотреть* по сторонам. Он стал *прощаться* и сказал, что завтра утром пойдет дальше (Толстой);

– замена превербов на сочетание *стать* с инфинитивом соответствующего невербального глагола: уж мы различали почтовую станцию, ... когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье *загудело* и пошел мелкий дождь (по Лермонтову). В данном примере мы можем заменить инхоативный глагол «загудело» на сочетание «стало гудеть».

Значение инхоативности в русском языке достигается и синонимичными глаголами: «приступит», «приняться», «схватиться», «хватиться», «пойти», «броситься», «кинуться», «ринуться», «повадиться» и т. д. Эти глаголы в

отличие от нейтральных «начать», «стать» содержат оттенок интенсивности: Он *бросился писать*, *соображать*, *ездил даже к архитектору* (Гончаров). Мальчик *поднял кольцо*, *во весь дух пустился бежать* – и в три минуты очутился у заветного дерева (Пушкин). Тут дед *принялся угощать* черта такими прозвищами, что, думаю, ему не один раз чихалось тогда в пекле (Гоголь).

В чувашском языке инхоативность может быть выражены с помощью глаголов *пусла*, *тытӑн*, *ыткӑн*, *ывтӑн*, *вирхӑн*, например:

– нимескере те хисеплемен сынна пелтерет темелле, – хуче Павел Петрович, каллех сахаре сине сӹ серме *тытанна* (Тургенев). – Эккее, хурах! – терӹ иккӹмӹш казакӹ. – Чихирь ёссе чӑнтӑхать те мӹн тӹле килнине йӑлтах *турама пуслать* (Лермонтов).

3. В русском языке инхоативность (начало действия) может быть представлена предикатными сочетаниями, выраженными частицей и инфинитивом, например:

а) составными компонентами *ну*, *и давай*, которые указывают на инхоативность и подчеркивают интенсивность действия. Предшествующее действие воспринимается как подготовительное, весь акцент падает на действие, выраженное инфинитивом: схватил скорее котел *и давай бежать*, сколько доставало духу (Гоголь). «Опять, как же не взять:...а возьмешь – так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, *и давай душить за шею...*» (Гоголь); б) императивным компонентом *марш* и побудительными словами *айда*, *чур*: «*Чур* меня, сатана!» – продолжал писарь, приложась губами к скважине в дверях (Гоголь).

Иногда в чувашском языке инхоативность образуется помощью междометия «*чур*», побуждающего к совершению действия говорящего: *чур*, сулахайпа шутра мар (Есхел). *Чур* мана, сӹхал, шуйттан пусӹ! (Гоголь)

Но самыми продуктивными в чувашском языке являются бивербальные конструкции, состоящие из инфинитива или деепричастия и вспомогательного глагола:

1) бивербальные конструкции, в состав которых входит предикат на -ма/-ме:

а) инфинитив на *-ма/-ме* + фазовый глагол *пусла*: Вӑл аллисене сулкаласа *кӑшкӑрма пусларӗ* (Артемьев). Сураӑхсем макӑрма, лашасем *кӗҫенме пусларӗҫ* (Гоголь);

б) инфинитив на *-ма/-ме* + фазовый глагол *пикен*: Антонина Клементьевна ана *лаплантарма пикенче* (Агаков). Салтӑнса шыва *кӗчӗҫ* те пӗренерен тытса *ишме пикенчӗҫ* (Афанасьев);

в) инфинитив на *-ма/-ме* + фазовый глагол *тытӑн*: Тупа сасси *кӗрлеме тытӑнчӗ* (Агаков). Йӗкӗт, хай савнӑ хӗрӗн ашшӗ ытла тарӑн ӑслах мар иккенне сийӗнчех асӑрхарӗ те, ӑна мӗнле те пулин хӑй майлӑ ҫавӑрасси ҫинчен *шухӑшлама тытӑнчӗ* (Гоголь);

г) инфинитив на *-ма/-ме* + фазовый глагол *тапрат*: «Ак шӑкӑрнӑ сасӑ илтӗнсе кайрӗ, Петро чуннех пырса тиврӗ ку, халь ӗнтӗ ӑна тем те пӗр илтӗннӗн туйӑнать... йывӑҫӗсем кӗр-кӗрлесе *ятлаҫма тапратрӗҫ...*» (Гоголь);

2) бивербальные конструкции из предиката на *-са/-се* и предикатного актанта:

а) деепричастия на *-са/-се* + фазовый глагол *кай*: Ҫав тери хӑрушла сысна пуҫӗ *куракса кайрӗ*; вӑл, куҫӗсене выляткаласа... (Гоголь). ...хурсемпе суту-илӗ тӑвакан хӗрарӑмсен сассисем каллех пӗтӗм табор тӑрӑх *яӑраса кайрӗҫ*, каҫхи тӗттӗмре халах сехрине хӑптарнӑ хӑрушла сас-хурасем вара... Ӗненмен халах пит *хунаса кайрӗ* тӗнчере! (Гоголь). Тӗттӗмре такам ахлатни *илтӗнсе кайре* (Афанасьев).

В представленных примерах вспомогательный глагол *кай*- взаимодействует с глаголами определённой семантической группы. Условно эту группу можно назвать глаголами чувственного восприятия. Как показывает материал чувашского языка, эта семантическая группа наиболее продуктивна в образовании аналитических форм со вспомогательным глаголом *кай*- со значением начала действия. По своей семантической структуре все эти глаголы являются неопредельными глаголами неактивного действия;

б) деепричастия на *-са/-се* + фазовый глагол *яр*: Ҫакна илтсен пурте *ахӑлтатса кулса ячӗҫ...* (Гоголь). «Ай! ай! Ай!»ӑнран каяс пек *кӑшкӑрса ячӗ* пӗри, тенкел сине ӱксе сехри хӑпнӑран алли-урисемпе тапӑлтатса (Гоголь).

Фазовый глагол *яр-* также продуктивно используется в формах со значением начала действия, он имеет в своём значении семы начинательности. Однако из-за своей более общей основной семантики степень десемантизации здесь уже не ощущается полной.

Таким образом, сопоставление поля инхоативности в разноструктурных языках показывает, что в русском языке используются синтетический способ и аналитический, а в чувашском – аналитический способ. Отметим, что в чувашском языке предикатный актант, модифицируя значение основного глагола, превращается в грамматический показатель.

Реализация инхоативности в словообразовательной системе русского и чувашского языков зависит от характера обозначаемого действия и соответственно от семантики базового глагола, а также от того, какой используется преверб. Глаголы с превербом *за-* могут выражать различные типы представления инхоативности: начало длительного или кратковременного действия (под влиянием контекста), начало действия без конкретизации дальнейшего его течения (без влияния контекста). Глаголы, образованные с помощью преверба *раз-(рас-)* и постфикса *-ся*, могут выражать либо усиление проявления процесса, либо интенсивную инхоативность.

События, представленные семантикой инхоативности, в русском и чувашском языках могут сводиться к тому, что в какой-то момент соответствующая ситуация не имела места, а в какой-то последующий момент уже имеет место.

Сходство «картин мира» в сопоставляемых языках обнаруживается при сравнении тех моделей, которые соответствуют понятию «начало».

Список литературы

а) Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.

б) Резюков Н.А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков / Н.А. Резюков. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – 328 с.

в) Материалы по грамматике современного чувашского языка. Морфология. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. – 360 с.

г) Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. Монография / А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1977. – 270 с.